

стам, я оптимистка и полагаю, что писатели Азии и Африки будут в конечном счете на правильном пути.

Более 40 лет назад Максим Горький в письме к монгольским писателям обращал их внимание на то, что поднимать, звать народ к новой жизни, обращать его к прогрессу нужно, создавая произведения, которые бы призывали людей активно вмешиваться в жизнь. Эти мудрые слова, адресованные монгольским писателям, в равной степени сохраняют свое значение для писателей стран Азии и Африки, борющихся за свободу и независимость.

Смысл нашего труда

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Дагестанский писатель (СССР)

НЕ ТОЛЬКО годы, не только события, но и думы о них делают нас взрослыми, сильными и цельными. Мы многое видели за эти годы: погибали герои, изменяли друзья, то там, то тут лилась кровь, были не только землетрясения, а бывали потрясены наши мысли и чувства. Продолжаются трагедии всех веков. Война, предательство, ложь, разруха, нищета. И мы, художники, не вправе произносить пустые слова, какими бы звучными и звонкими они ни были. Наши слова должны звучать весомо, зримо, сильно, как говорят, каждое слово должно отражать мысли миллионов людей. Мы не танцоры и не канатоходцы: мы пришли в этот мир сказать свое слово и за него отвечать, мы пришли в этот мир определить свое место и его защищать. Не именами, а мнениями дорожить нам надо.

Я родился в далеком дагестанском ауле. В детстве я дрался за свой дом, потом — за свой аул, потом — за свой Дагестан, потом — за нашу огромную Страну Советов, а эта страна для нас всегда была колыбелью любви и дружбы.

Теперь мне и нам всем нельзя быть маленькими. Нас не обязывают быть великими, но мы обязаны быть взрослыми. Теперь мой

аул и мой мир неотделимы друг от друга. А быть взрослым — это значит быть честным, мужественным, нужным людям.

В нашей борьбе мы чувствуем понимание и любовь одних, колебание и ожидание других, злобу и клевету третьих и заблуждение четвертых. Одни говорят о нас, что мы собрались обсуждать не вопросы литературы, не о прекрасном говорить, что нам чужды краски и музыка, что мы занялись политикой и собираемся с этой целью. Они хотят, чтобы мы говорили о рассветах, закатах и забывали при этом о пожарах, чтобы мы воспевали цветение садов и молчали о червях, которые хотят погубить их, чтобы мы любовались прекрасными женскими глазами и отвернулись от них, когда они льют слезы. Они за то, чтобы мир подчинить нашей профессии, а не профессию миру. Они за то, чтобы искусству подчинялась человеческая жизнь, а не человеческой жизни искусство.

Но мы им говорим: поэзия — для жизни. Мы трезво смотрим, и воспринимаем действительность, для нас слово — это секундомер на часах, измеряющий события годов, веков и эпох.

Есть у нас и другие противники, которые все осуждают, ничего не обсуждая. Они говорят о нас, что мы разговариваем о поэзии и музыке, о жанрах и стилях, уходим от главных политических тем, их приводят в негодование наши дискуссии о прекрасном, они нас считают аполитичными. Если мы произносим слова «мир», «любовь», «женщина», без которых невозможно существование подлинной поэзии, они говорят, что мы отвлекаемся от борьбы. Они за вздох без выдоха, они хотят обобщения без фактов и фактов без обобщения. Они хотят противопоставить нашему движению демагогию. Они хотят поэзии без формы, называя форму формализмом, повести без авторского стиля, называя стиль стилижением, они за музыку без мелодии, за живопись без фантазии. Все это не политика, а политиканство. Мы не попугай из Пекинского зоопарка. Мы живые люди, мы будем рассказывать живым о жизни и смерти, и не просто рассказывать, а рассказывать правдиво, мы должны быть мастерами своего дела. Мы должны выразить свои мысли, свои чувства образно, красиво, доступно миллионам...

Таким образом, одни хотят, чтобы мы были мокрыми, чтобы нас можно было выжать.

Другие хотят, чтобы мы были сухими, чтобы нас можно было ломать.

Но в нас сочетается мужество и нежность, которые не отрицают друг друга. Наша политика опирается на все многообразие жизни.

Из всех профессий мне наиболее близкой и дорогой является медицина, хотя я никогда не имел медицинского образования. Я был в госпиталях Хиросимы и беседовал с врачами. Один врач мне сказал, что он не собирался быть медиком, но когда увидел горе Хиросимы, людей, умирающих от лучевой болезни, он решил стать врачом.

В этом мире я встретил две категории людей: одни врачи жизни, другие враги жизни; одни врачи прекрасного, другие враги его.

Мы, художники, обязаны врачами жизни, иначе мы не художники. В прошлом веке, когда дагестанцы под руководством Шамиля сражались против царизма, знаменитый русский хирург Пирогов произвел операцию тяжело раненому горцу и спас его от смерти. Тогда горец сказал: «Всю жизнь кинжал и нож для нас были оружием смерти, оказывается, они могут служить при желании орудием жизни». Нож в руках хирурга спасает не только жизнь человека, но и самого человека.

Наша планета нуждается во врачебной помощи. Наше перо — это хирургический нож для раненой планеты. Наша поэзия должна нести, как сестра милосердия, круглосуточное дежурство у изголовья многострадального мира. А мир болеет всеми болезнями: нервными, сердечными, детскими. Он об этом заявляет, он не симулянт, мы должны внимательно выслушать его дыхание, его пульс, точно установить диагноз и лечить до полного выздоровления.

Великий поэт и врач Авиценна сказал: «Я могу лечить человека от всех болезней, кроме смерти». Мы должны сказать нашей Вселенной, нашей матери-земле: мы твои поэты и врачи, мы с теми, кто лечит тебя от болезней. Пусть наша музыка будет тебе лечебной, живописной, песня — радостной, а ты будешь вечно молодой и вечно жить, с каждым годом, с каждым веком совершенствоваться. В этом мы видим смысл нашей жизни, нашего писательского труда.

Это является мерилом нашей любви, нашего таланта, нашей деятельности художника XX века.